

— СОДЕРЖАНИЕ —

РАССКАЗЫ СЕРГЕЯ ЖИГАЛКИНА	7
Последний перевал	9
Возвращение	35
Тень альпиниста	46
Вершина.	77
РАССКАЗЫ НАТАЛИИ ПРОКУРАТОВОЙ	91
Лабиринт	93
Гобелен	101
ПАМИР И ГОБЕЛЕНЫ	111

ВЫСЬ

Меня не волнует, будет
ли ад или рай на Земле.
Меня не волнует, сгинет
ли всё, что вокруг, во мгле.

Меня не волнует, много
ли жить еще буду лет.
Меня не волнует, постигну
ли трансцендентальный свет.

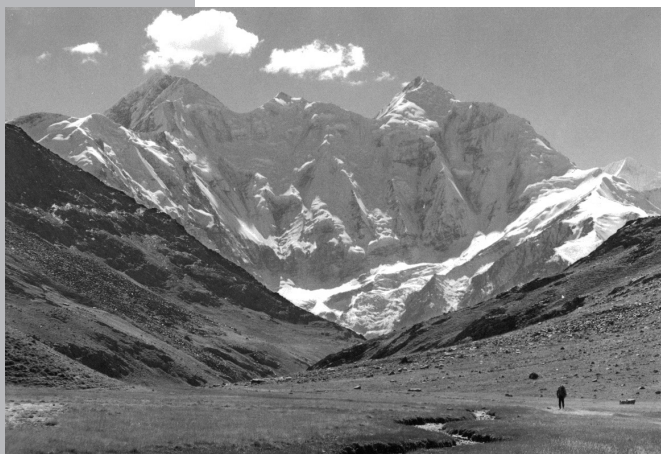
Меня не волнует, великий
ли кто-то из нас человек.
Мне всё равно, подлец ли
какой-нибудь имярек.

Меня не волнует, можно
ли в вечность живым попасть.
Мне безразлична Джульетта,
роскошная дикая страсть.

Меня не волнует несколько
весь этот мелкий вздор.
Меня волнует только
блеск снега на пиках гор.

С. Жигалкин, конец 1980-х гг.

РАССКАЗЫ
СЕРГЕЯ ЖИГАЛКИНА

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Солнце ещё сияло над пиками гор, но уже не так интенсивно. Тени слегка удлиннились, стих ветер, ослепительная яркость сменилась мягким струящимся светом.

Утром казалось, до слияния ледников относительно недалеко, и всё-таки, чтобы добраться туда, понадобился целый день. Правда, они особенно не спешили и, пересекая альпийские луга, петляя в моренных холмах, шли, как хотелось.

В середине дня открылся гигантский ледник, километров, наверное, десять в диаметре: бесконечные насыпи, окружённые цепью приземистых гор. Нигде никакой зелени, никакой жизни. И горы, и насыпи в одном колорите — охристо-золотистые, только местами, в основном у вершин, — белый снег. В ущельях — застывшие в вечном падении извилистые ледники. На небе ни облачка, бездонная синева. Справа, подальше, из-за пепельно-рыжей скалы выползала высокая длинная насыпь — слияние ледников.

Слегка изменяясь в ракурсах, этот пейзаж маячил перед глазами до склона дня. Хотя они всё время шли,

длинная насыпь не приближалась, и временами казалось, что до неё вообще никогда не дойти.

Всё же добравшись до пепельно-рыжей скалы, они устроили небольшой привал, потом повернули в ущелье и правой его стороной уже часа два поднимались вдоль насыпи впадающего ледника.

Двое друзей ушли вперёд, но он не спешил их догонять, наслаждаясь спокойным течением мыслей, одиночеством и тишиной. Картина сменилась: довольно узкое ущелье, куда более скромных масштабов, на севере, впереди, расширялось, упираясь в подножие крутых и высоких скал, явно непреодолимых. И если не грезить об иных, недоступных ландшафтах по ту сторону скал, на мысль о которых наводило прозрачное небо у самых вершин, здесь тоже было хорошо. Всё близко: и пики, и снежные взлёты, и тёплое солнце над скалистым хребтом.

Высокая, тянувшаяся совсем рядом насыпь казалась неестественно огромной. Он шёл траверсом по каменистым склонам, которые внизу, метрах в тридцати, смыкались с насыпью. Можно было спуститься, подняться на насыпь и идти параллельно по леднику, но такой вариант не из лучших: ледник слишком изрезан, да и перевал на этой стороне, километрах в семи впереди.

Настроение изменилось резко, без всякой причины. Сначала тревога, потом сразу страх. Всё вокруг сделалось ирреальным, громадным, обступавшим его

со всех сторон. Скалы и насыпи ледника, снежные взлёты, странные, неизвестно откуда взявшиеся, казались чудовищной галлюцинацией, готовой в любую минуту превратиться во что угодно или исчезнуть совсем. Захотелось обратно, назад, и прямо сейчас, но кругом — бесконечные цепи туманных хребтов, уходящие за горизонт. Проносившиеся в воображении знакомые улицы, города, стол у окна, лица друзей тоже перестали казаться отблесками существующей где-то реальности — обрывки какого-то сна... Он остановился. Нигде никого...

Его спутники скрылись за скалами впереди и, судя по всему, уже давно. Однако они не могли уйти далеко и наверняка где-то рядом, возможно, за ближайшим отрогом. Но кристальная синева, неподвижные скалы, снега, полный штиль словно свидетельствовали об обратном: о несомненном отсутствии здесь людей. И правда, будто прервалась незримая связь с остальными: он больше не чувствовал их.

Это меняло всё дело. Хотя он ни на кого и не рассчитывал — наоборот, он-то и был инициатором авантюры, и скорее другие рассчитывали на него, — всё же вместе они составляли единое целое, защищавшее от капризов стихии, диких зверей, демонов, духов, магии гор.

Растерянный, не зная, что предпринять, он озирался вокруг. Послышался шелест, и у скалистого выступа, похожего на клюв хищной птицы, вдруг что-то

сместилось, тенью метнулось вниз. Он попятился, но взял себя в руки: оползень мелких камней. В глубине треснул лёд, отозвалось многократное эхо, где-то зажурчала вода, явственно различались тихие и очень печальные голоса. В смятении он оглянулся. Всё ещё залитый солнцем гигантский ледник сзади внизу был странно недвижим, будто только что замер, чтобы не выдать каких-то кошмарных движений, дьявольских метаморфоз. На всем протяжении ледника, насколько хватало глаз, — никого.

Страх становился опасным, лучше бы как-то избавиться от него. В сущности, ничего особенного не произошло. Его спутники исчезли, но наверняка они где-то поблизости, впереди. Когда обнаружат, что его нет, остановятся и станут ждать. Потом кто-то пойдёт на поиски... Так что следует лишь прибавить шагу и побыстрее их догнать. Хотя это предположение, против всякого здравого смысла, по-прежнему не казалось убедительным, он быстро пошел вперёд.

Теперь он внимательно осматривался по сторонам, часто оборачивался, заглядывал за большие камни, но находил там лишь мёртвую пустоту. Странно, ведь потеряться здесь решительно негде: весь путь на виду... Приблизительно через час он поднялся на высокий отрог, откуда местность просматривалась далеко вперёд. Ложбина между скалистыми склонами и насыпью ледника вилась на многие километры, подальше в ней протекала река, похоже, глубокая,

бурная, скорее всего, непроходимая. Зато справа, у самой реки, тянулась узкая зелёная полоска — трава. Ложбина сворачивала влево и терялась среди белых холмов и торосов заснеженного ледника. Хребет тоже загибался влево и переходил в неприступную отвесную стену. Но перевал был несколько ближе, справа, в конце зелёной поляны, где-то среди вершин. Последний перевал, за ним — только вниз, к цветущим долинам, равнинам, домой...

Друзей нигде не было, да и вряд ли они, не дождавшись его, пошли бы так далеко. Оставалось единственное абсурдное предположение: они спустились со склона, поднялись на насыпь и затерялись в моренных холмах ледника. Невероятно, чтобы они отправились туда, да ещё не дождавшись его: идти там труднее, к тому же река, через которую выше по течению обратно не перейти.

На этот раз он забеспокоился всерьёз. Верно, всё же прошёл мимо них. Другого объяснения не находилось. Когда начнут искать, пройдут немного вперёд, потом вернуться туда, где они в последний раз были вместе, — на привале у слияния ледников. Далеко, но всё-таки лучше, чем потеряться совсем...

Он внимательно огляделся и выбрал красноватый скалистый зубец в человеческий рост, расположенный на возвышении, метрах в ста. Забравшись наверх, снова посмотрел по сторонам: та же картина — нигде никого. Сняв рюкзак, закрепил его в

вертикальном положении, спустился с зубца и направился вниз. Обернувшись, остался доволен: рюкзак наверху был виден отлично.

Вниз, да ещё налегке, он шёл быстро. К тому же хотелось как можно скорее разрешить эту дурацкую ситуацию. Осматривая всевозможные укромные места, он разозлился: надо же было свернуть и забиться чёрт знает куда, в какой-нибудь узкий проём, не оставив примет. Но раздражение — это простое человеческое чувство — казалось живым и приятным, контрастируя с необъяснимой ледяной тревогой, нараставшей внутри. Приятным казался даже животный страх, когда он вдруг замечал медвежьи следы или, прижимаясь к скале, пробирался над пропастью.

На спуск ушёл час. С отрога хребта открылось место привала у пепельно-рыжей скалы. Никого. Перепутать невозможно: небольшая площадка, усеянная камнями. Два или три камня чуть сдвинуты, сложнейший природный порядок, который мы принимаем за хаос, нарушен, и даже издали это сразу бросалось в глаза. А вот и огромный валун в стороне. Неизвестно зачем, он спустился. Бессознательно сел на тот самый камень, где сидел раньше, причём сел в той же позе.

Видимо, причиной тому последние золотые лучи из-за белых вершин и странные длинные тени, только его охватила невыразимая грусть: казалось, он был здесь очень давно — тысячу лет назад. Тогда же, давно, был и привал, вспоминавшийся до мело-

чей. Смещение времени придавало образам друзей, отдельным словам, эпизодам какой-то глубокий таинственный смысл. «...Когда близка смерть, например, кто-то только что умер, ворота открыты, и находящийся рядом, не понимая того, может вдруг оказаться за ними...» — фраза без начала и конца. Тогда никто не был склонен к беседе, потому, прервав мысль, их спутница стала рассматривать струйку стекающей с камня воды.

Он посмотрел на солнце: секунды — и оно исчезнет совсем. Надо идти, но силы пока не восстановились, стоило ещё посидеть.

Наконец солнце скрылось, и хотя небо над скалами пылало — красным, оранжевым, алым, багряным, — начинало смеркаться, особенно над ледником, в узком ущелье, погружённом в тень. Похолодало. Стало совсем одиноко. «Может, я уже умер», — пришло вдруг на ум. Известная мысль. Только раньше она воспринималась как игра воображения, теперь же, под влиянием обстоятельств, приобретала значительность, вес. Всё становилось понятным, в том числе исчезновение остальных. Он даже усмехнулся. Разумеется, это просто пустые фантазии, бред... Тем не менее попытался найти свою тень. Но солнце зашло и все тени пропали. Можно было взглянуть в зеркало или в воду, но вставать, искать лунку с водой и высматривать в ней своё отражение — есть оно или нет — это уж слишком. Всего-навсего древние суеве-